

УДК 343.325

DOI: 10.17223/23088451/15/19

Н.А. Кудратов

**К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ СЕПАРАТИЗМА
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Исследуются вопросы криминализации сепаратизма в уголовном законе Республики Таджикистан. Рассматриваются посягательства на территориальную целостность и территориальную неприкосновенность Таджикистана как основу национальной безопасности. Предложена структура сепаратизма (особенно его объективная сторона) как преступления. Принимая во внимание доктрину уголовного права, нормы Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», предложено криминализировать сепаратистскую деятельность в УК РТ.

Ключевые слова: государство, территориальная неприкосновенность, территориальная целостность, сепаратизм, публичное оправдание, финансирование.

Территория является основным признаком каждого суверенного государства. Конституция Республики Таджикистан в ст. 7 провозглашает, что территория Таджикистана неделима и неприкосновенна. Обеспечение суверенитета, независимости и территориальной целостности Таджикистана является одним из обязательств государства. Кроме этого, в ст. 100 Конституции Республики Таджикистан указывается, что территориальная целостность государства неизменна. Принимая во внимание эти нормы и принципы, Уголовный кодекс Республики Таджикистан (далее – УК РТ) установил ответственность за деяние, направленное на нарушение территориальной целостности и неприкосновенности государства.

В УК РТ нормы, направленные на охрану территориальной целостности и неприкосновенности государства, не сконцентрированы в какой-либо одной самостоятельной (специальной) главе и не объединены по признакам общности родового объекта. В основном эти виды преступлений закреплены в главе 29 УК РТ: измена государству (ст. 305); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 306); публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан (ст. 307); шпионаж (ст. 308); вооруженный мятеж (ст. 313). Но, к сожалению, указанные статьи не отражают в достаточной мере некоторые особо важные вопросы, касающиеся проблем защиты территории Таджикистана от незаконного деления и нарушения неприкосновенности. С целью защиты территориальной целостности и неприкосновенности государства представляется необходимым установить уголовную ответственность за сепаратизм на законодательном уровне.

Установление уголовной ответственности за сепаратизм имеет ряд оснований.

**Социально-политические основы установления
уголовной ответственности за сепаратизм**

Закон РТ «О безопасности» определил национальную безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов страны от реальных, потенциальных внутренних и внешних угроз. Анализ законодательных предписаний подтверждает принадлежность

территориальной целостности и неприкосновенности Таджикистана к основам национальной безопасности (безопасности государства). Особое место среди них занимают реальные и потенциальные угрозы территориального характера:

1) во внешнеполитической сфере – угрозы посягательства на суверенитет государства и ее территориальную целостность, территориальные претензии со стороны других государств (Кыргызстан, Афганистан, Китай);

2) в сфере государственной безопасности – угрозы посягательства со стороны отдельных групп (ИГИЛ, ПИВТ) и лиц на государственный суверенитет, территориальную целостность;

3) во внутривнутриполитической сфере – возможность радикализации и проявлений экстремизма, а также угроза проявлений сепаратизма в отдельных регионах Таджикистана (например, в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (Памир));

4) в военной сфере и сфере безопасности государственной границы Республики Таджикистан – незавершенность договорно-правового оформления государственной границы РТ с соседними государствами (с Кыргызстаном);

Основными угрозами для нарушения территориальной целостности и территориальной неприкосновенности Таджикистана является нынешняя ситуация в соседних государствах – Кыргызстане и Афганистане. Протяженность границы между Таджикистаном и Афганистаном составляет 1 400 км, а между Таджикистаном и Кыргызстаном – около 970 км. После распада Советского Союза кыргызско-таджикская граница остается одной из последних неопределенных границ, где отчетливо ощущается наследие СССР в новой Евразии. За 25 лет независимости Кыргызстану и Таджикистану удалось разграничить 519 из 978 км их общей границы, в то время как оставшиеся 459 км в густонаселенных низменностях являются предметом взаимных претензий и включают 58 раздельно спорных участков.

Это наследие в настоящее время дает основания для противоречивых территориальных претензий: Таджикистан настаивает на восстановлении «исторической справедливости», как это отражено на картах 1924–

1927 г., которые показывают, что многие оспариваемые земли раньше принадлежали Республике Таджикистан, в то время как Кыргызстан поддерживает карты 1958 г., созданные после нескольких волн переселения. Дискурс часто связывает проблему с намерениями «разделяй и властвуй» советских планировщиков, которые оставили нечеткие и неподходящие границы в качестве постсоветского наследия, не рассматривая аргументы, стоящие за постоянными пересмотрами границ советской эпохи. В настоящее время это настоящая головоломка, в которой нет очевидного территориального решения, справедливого для всех сторон, что привело к многочисленным инцидентам в сфере безопасности и едва позволило избежать вооруженного конфликта [1].

В некотором смысле проблемы на таджикско-кыргызской границе не новы. Эти земли были подвержены конфликтам в 1936, 1938, 1969, 1975 и 1989 гг. Разногласия по поводу земли привели к открытым столкновениям, таким как конфликт между Ак-Сай и Ворух в 1975 и 1989 гг., когда спор о воде перерос в насилие с использованием камней, сельскохозяйственных инструментов и огнестрельного оружия. Фактор этнической принадлежности усилился в период ранней независимости, так как возросла связь населения с национальными государствами. М. Ривз отмечает, что «в этой конкретной части бассейна Ферганской долины этническая принадлежность стала настолько заметной, как повседневная “практическая категория”» [2].

Национально-патриотические ценности год за годом укрепляются, и споры о пастбищах и использовании воды истолковываются как вопрос национального выживания. По сравнению с началом 2000-х гг. этнические различия приобрели более негативный оттенок, и местные субъекты все чаще воспринимают повседневные конфликты в этническом аспекте. Проблемы, которые изначально возникают как бытовые деревенские споры, принимают характер этнической поляризации и заканчиваются такими аргументами, как «это наша историческая земля» и «вы не имеете права быть здесь». Такие призывы создают эмоциональный резонанс, вызывают чувство патриотизма и позволяют мобилизовать большую группу избирателей для защиты «территориальной целостности» даже в мелких спорах.

Несмотря на то, что межгосударственная конфронтация отнюдь не неизбежна, напряженность вокруг анклавов и оспариваемых территорий, вероятно, сохранится в будущем, и риск проявления сепаратизма высок.

Нормативно-правовые основы установления уголовной ответственности за сепаратизм

Целостность и неприкосновенность территории Таджикистана нормативно признаны приоритетными национальными интересами, которые обеспечивают основы национальной безопасности РТ. Это фундаментальные, основополагающие атрибуты, обеспечивающие само существование таджикского народа, его уникальную самобытность и единство, а также реализацию им его исключительного права на развитие на соответствующем пространстве независимого, суверенного,

демократического, правового и социального государства.

Анализ уголовного законодательства показывает, что целостность и неприкосновенность территории в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны не рассматриваются действующим уголовным законодательством. Однако уголовно-правовая защита территориальной целостности и неприкосновенности государства как составная часть конституционного строя и безопасности РТ является основной задачей уголовного законодательства, которое закреплено в ст. 2 УК РТ.

В законодательстве РТ легального определения терминов «территориальная целостность» и «территориальная неприкосновенность» не существует. Кроме того, в Законе РТ «О безопасности» наряду с этими терминами законодатель использует термин «территориальная неотчуждаемость», который является синонимом территориальной целостности, что приводит к путанице в определении сущности этих терминов.

В течение десятилетий аспекты международного права и публичного права в понятиях «территориальная целостность» и «территориальная неприкосновенность» были в центре внимания представителей юридической науки. И сегодня, несмотря на относительную разработанность, необходимо рассмотреть различные аспекты проблем территориальной целостности и территориальной неприкосновенности, которые возникают в обществе и государстве, сквозь призму изменений и современных представлений о политической системе и государстве.

При решении вопроса о соотношении понятий территориальной целостности и территориальной неприкосновенности в международном праве традиционно считается, что «территориальная целостность» и «территориальная неприкосновенность», хотя и не являются тождественными, но настолько взаимосвязаны, что практически всегда сопровождают друг друга, в результате чего зачастую объединяются в единый «принцип целостности и неприкосновенности территории». Принцип территориальной целостности и неприкосновенности государства выступает общепризнанным принципом международного права, а потому его содержание трактуется через категорию международно-правовых обязанностей, определенных международными договорами, обычными и другими нормами международного права.

В научной литературе указывается, что принцип территориальной неприкосновенности можно другими словами назвать принципом запрещения применения силы против территории государства; это общепризнанный принцип международного права (норма *ius cogens*) [3, с. 26]. Как справедливо отметила Л.И. Волова, соблюдение требования неприкосновенности государственной территории является условием сохранения ее целостности. Разница заключается в том, что при нарушении неприкосновенности территории не всегда преследуется цель отторгнуть ее часть [4, с. 30–31].

В связи с этим мы не можем согласиться с позицией Л.В. Мошняги, что территориальная неприкосновенность является составной частью территориальной це-

лостности [5, с. 80–83]. Все – наоборот. Семантически «целостность» означает состояние внутреннего единства объекта (единое целое), его относительную автономность, независимость от окружающей среды, а «неприкосновенный» – это такой, который закон охраняет от посягательств со стороны кого-либо, или такой, который нельзя портить, уничтожать, унижать его значимость, важность и т.д. [6]. На наш взгляд, территориальную целостность и территориальную неприкосновенность следует рассматривать в качестве характеристик состояния территории государства как социальной ценности. Целостность характеризует состояние территории государства с точки зрения его пространственных параметров (единство и неделимость), а неприкосновенность – состояние того же объекта с точки зрения внешних условий, в полной мере отражающее социальную ценность этого объекта. Фактическое нарушение неприкосновенности территории государства выражается в нарушении указанных внешних условий и может иметь своим следствием нарушение целостности или другое общественно-опасное последствие для территории государства. Таким образом, территориальная целостность выступает частью более широкого понятия – территориальной неприкосновенности как состояния защищенности от любых посягательств, в том числе и посягательств, которые причиняют вред единству и неделимости территории или создают угрозу причинения такого вреда.

Анализ вышеизложенных точек зрения показывает, что в понятие территориальной целостности исследователи вкладывают различный смысл в зависимости от того, какие стороны этого явления они хотят осветить.

Таким образом, на основе анализа Конституции Республики Таджикистан, международных документов и теорий международного, конституционного права можно предложить следующее понятие территориальной целостности государства: «Территориальная целостность государства проявляется в единстве, нерушимости, неделимости, устойчивости и стабильности территории, на которую распространяется суверенитет государства». Указанные критерии являются качественными характеристиками государства. Сохранение территориальной целостности и неприкосновенности государств от внешних и внутренних угроз является как внутригосударственной, так и международной проблемой. Основное условие существования государства – его территориальная целостность.

Неприкосновенность территории государства – это его защищенность от попыток вооруженного или невооруженного вмешательства. В широком смысле неприкосновенность территории государства – это предохранение его территории от любого посягательства извне; никто не должен покушаться на территорию государства с целью полного или частичного ее занятия или оккупации, проникать в его наземное, подземное, воздушное пространство против воли властей данного государства.

Необходимо отметить, что целостность и неприкосновенность территории Таджикистана как приоритетные национальные интересы обеспечивают основы существования Республики Таджикистан, требуют осо-

бой уголовно-правовой защиты в виде установления уголовной ответственности за посягательство на территориальную целостность и территориальную неприкосновенность Таджикистана (сепаратизм). Криминализация посягательства на территориальную целостность и территориальную неприкосновенность Таджикистана, исходя из нынешней ситуации Таджикистана относительно вопросов делимитации и демаркации государственной границы, является целесообразным и своевременным.

Республика Таджикистан как член ШОС 30 января 2002 г. ратифицировала Шанхайскую конвенцию «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». В указанной Конвенции дефиниция «сепаратизм» определена как какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, и перечисленные деяния должны криминализироваться в уголовном законодательстве стран – участниц ШОС.

В юридической и политической науке консенсуса по вопросам определения дефиниции «сепаратизм» не существует.

Феномен сепаратизма можно наблюдать на протяжении всей истории человечества. Аристотель обнаружил, что каждый город образует часть единственного, но сегментарного общества, которое, хотя и не было государственным само по себе, но было достаточно сильным, чтобы создать препятствие для полного развития государственных форм в городе как высшем субъекте [7, р. 32]. Могущественные империи древнего и средневекового мира были построены, а затем разрушены из-за раздоров между отдельными нациями. В наше время деструктивный характер сепаратизма стал экспоненциально более опасным. Такие движения могут спровоцировать вооруженные конфликты, территориальную дезинтеграцию, экономический застой и нанести ущерб международной безопасности. Нации больше не являются в значительной степени изолированными друг от друга, проблемы одной нации могут быстро влиять на соседние нации, целые регионы и даже порождать глобальные последствия.

Согласно мнению некоторых исследователей, сепаратизм – это создание государства путем применения силы или угрозы силой, без согласия бывшего суверена. В то же время признается, что отделение может быть достигнуто мирными средствами, но для этого необходим международный акт, политические или правовые акты о выходе территории из существующего государства [8, с. 54].

Другие авторы разделяют мнение о том, что сепаратизм является законным и нелегитимным движением одновременно. Он всегда нелегитимен с точки зрения государства, вступает в противоречие с официальным законодательством и легитимен, пробуждая сострадание к «слабым народам, над которыми господствуют могущественные государства», оправдывая его как адекватный ответ на действия государства через реали-

зацию исторического права на самоопределение. Современные подстрекатели сепаратизма используют международное право в отношении права человека на самоопределение в качестве основного оправдания своих движений. В этой связи даже краткий анализ закона применительно к рассматриваемой ситуации (ситуациям) показывает, что многие сепаратистские группы умышленно неверно интерпретируют закон в попытке оправдать свои истинные цели [9]. Принцип самоопределения не допускает изоляции от государства и не может использоваться в качестве инструмента территориальной и политической дезинтеграции суверенных государств. Этот принцип является основополагающим и имеет международно-правовые прецеденты, определяемые многочисленными печально известными случаями.

Н.В. Явкин пишет, что «сепаратизм – это стремление к отделению, сам процесс отделения или обособления со ставкой на полное автономное существование и развитие. В общественном развитии это, как правило, стремление к обособлению у национальных меньшинств в многонациональных государствах, направленное на создание самостоятельных государств или национально-государственных автономий» [6, с. 39].

Учитывая чрезвычайную социальную, экономическую и политическую опасность, которую представляет собой явление сепаратизма, многие государства бывшего СССР активно криминализируют сепаратистские действия, которые могут угрожать жизни их граждан, а также дестабилизировать мир и процветание, например Российская Федерация, Украина, Грузия, Казахстан, Беларусь, Узбекистан и др.

Главная трудность, когда речь заходит о криминализации сепаратистских действий, заключается в том, чтобы найти способ защитить стабильность и суверенитет нации, сохраняя при этом твердую приверженность защите прав человека. Любое расширение сферы криминализации сепаратистских действий в государстве не должно противоречить демократическим нормам и международным соглашениям по правам человека, участникам которых являются отдельные государства [10].

В настоящее время УК РТ не криминализирует общие сепаратистские действия, за исключением тех, цель которых достигается с помощью насильственности (ст. 306 УК РТ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и ст. 313 УК РТ «Вооруженный мятеж»). Здесь возникает один важный вопрос: а если сепаратизм имеет ненасильственный характер? На этот вопрос УК РТ неспособен ответить. Данная слабость нынешнего УК РТ является лазейкой для сепаратистов, которая позволяет им безнаказанно осуществлять сепаратистские действия мирным путем.

Парламент Республики Таджикистан – Маджлиси намоёндогон Маджлиси Оли РТ – не смог эффективно имплементировать нормы Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» в УК РТ.

Для нашего исследования особое значение имеют доктринальное исследование и анализ зарубежных законодательств в области уголовной ответственности за сепаратизм и разработка структурных элементов новой статьи УК РТ – посягательство на территориальную

целостность и территориальную неприкосновенность Республики Таджикистан (сепаратизм).

В научной правовой литературе предложены различные варианты криминализации сепаратизма. Например, Е.П. Сергун предлагает дополнить УК РФ ст. 279¹ «Сепаратизм». Согласно его предложению, «Сепаратизм – это действия, направленные на осуществление выхода субъекта РФ или его части из состава РФ в нарушение территориальной целостности государства, не обусловленные намеренным поправлением Российской Федерацией конституционных и общепризнанных на международном публично-правовом уровне принципов равноправия и самоопределения этносов (народов), проживающих на территории РФ» [8, с. 54]. Позиция Е.П. Сергуна созвучна положениям Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», однако, на наш взгляд, данное определение не полностью охватывает все действия, которые связаны с сепаратизмом.

Е. Кара к объективной стороне сепаратистских действий относит: организацию и проведение сепаратистских референдумов, публичные призывы к осуществлению сепаратистских действий, включая выпуск, сохранение и распространение сепаратистских материалов (без подстрекательства к насилию), публичное оправдание сепаратизма, финансирование сепаратистских действий, использование политических лозунгов с сепаратистским содержанием, оказание поддержки иностранным государствам или организациям в осуществлении сепаратистских действий и т.д. [10]. Позиция Е. Кара охватывает более широкий круг действий, которые относятся к сепаратизму, и данную позицию мы можем взять за основу определения сепаратизма как преступления.

Практика уголовных законодательств государств бывшего СССР, особенно РФ, Украины, Казахстана, Кыргызстана и др., свидетельствует о том, что они восприняли опасность сепаратизма и для его предупреждения криминализировали его в своих уголовных кодексах. Например, ст. 280.1. УК РФ (публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ), ст. 110 УК Украины (посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины), ст. 180 УК Казахстана (сепаратистская деятельность), ст. 311 УК Кыргызстана (сепаратистская деятельность) и др.

Анализ содержания указанных статей позволяет нам выделить следующие их особенности:

а) сепаратизм направлен на нарушение территориальной целостности государства;

б) объективная сторона сепаратизма заключается в пропаганде или публичных призывах к нарушению унитарности и целостности государства, а также неприкосновенности и неотчуждаемости ее территорий; в дезинтеграции государства; в умышленных действиях, совершенных с целью изменения границ территории или государственной границы; в публичном призыве и распространении материалов с призывами к изменению границ территории или государственной границы;

в) способ совершения преступления как квалификационный признак установлен в УК РФ, им является

совершение сепаратизма с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет);

г) наравне с общим субъектом УК Казахстана и УК Украины предусматривают и специальный субъект. Им являются: лицо с использованием своего служебного положения; лидер общественного объединения; лицо, которое является представителем власти.

В научной литературе некоторые специалисты, например М.А. Рубащенко, выступают против использования термина «сепаратизм» в уголовных кодексах. Наиболее серьезный аргумент против введения в уголовно-правовую терминологию «сепаратизма» заключается в том, что при отсутствии его определения в уголовном законе его использование будет входить в противоречие с международными обязательствами государств (РТ, РФ, Украина и др. – *Н.К.*) в сфере соблюдения прав человека (в частности, относительно freedom of expression – свободы слова, и legal certainty – правовой определенности) и прогнозируемо приведет к нарушению их на практике под предлогом необходимости обеспечения абстрактной безопасности. С другой стороны, вводить это понятие с одновременным предоставлением ему определения также не кажется оправданным ввиду того, что действующий УК и так уже максимально широко предусматривает все общественно опасные формы той деятельности, которую называют сепаратизмом, маневрируя на тонкой грани между свободой и необходимостью обеспечения безопасности, предоставляя правоприменителю возможности для распространительного или ограничительного толкования тех или иных положений с учетом мировых стандартов прав человека и используя при этом устойчивую терминологию. История доказывает, что попытки построить демократическое государство недемократическими методами в конечном итоге часто приводит к установлению недемократических (авторитарных или тоталитарных) правовых режимов. Неоправданным видится применение этого понятия и органами предварительного расследования при формулировке обвинения, а также в судебной практике – при формулировке судом мотивировочной и тем более резолютивной части приговора, особенно при отсутствии какой-либо определенности понятия.

Что касается научных исследований, несмотря на то, что явление сепаратизма часто приобретает формы преступной или иной противоправной деятельности и приводит к тяжелым последствиям, безусловно, его можно и нужно исследовать. Однако следует осторожно подходить к авторским формулировкам и суждениям. Наука выступает одновременно и флагманом, и неким образцом, а потому может и должна оказывать серьезное влияние на формирование правового сознания всех слоев населения – как рядовых граждан, так и журналистов, политиков и т.п. В связи с этим следует

поддерживать практику тех ученых, которые взвешенно подходят к уголовно-правовой терминологии, выделяя «уголовно-наказуемые формы сепаратизма» как подкласс более широкого явления сепаратизма, а не отождествляя его с соответствующими уголовными преступлениями [11, с. 100–101].

Выводы

В целях защиты суверенитета и территориальной целостности Республики Таджикистан представляется целесообразным укрепить национальную правовую базу путем переоценки эффективности уголовных норм в отношении действий сепаратистов. Исходя из этого, принимая во внимание доктрины уголовного права, нормы Шанхайской Конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», УК РФ, УК Украины, УК Кыргызстана, УК Казахстана и трансформации нормы гл. 29 УК РТ относительно вопросов защиты территориальной целостности и территориальной неприкосновенности Таджикистана от сепаратистской деятельности, предлагаем дополнить УК РТ новой статьей следующего содержания:

Статья 306¹. Посягательство на территориальную целостность и территориальную неприкосновенность РТ (сепаратизм)

1) Сепаратистская деятельность, т.е. деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части территории или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем;

2) организация и проведение сепаратистских референдумов либо пропаганда или публичные призывы к осуществлению сепаратистских действий (любым способом), включая выпуск, сохранение и распространение сепаратистских материалов либо использование политических лозунгов с сепаратистским содержанием;

3) публичное оправдание сепаратизма;

4) финансирование сепаратистских действий;

5) оказание поддержки иностранным государствам или организациям в осуществлении сепаратистских действий и т.д.;

б) те же действия, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо представителем общественного объединения, либо группой лиц или группой лиц по предварительному сговору...

Таким образом, наличие уголовной ответственности за сепаратизм станет адекватной реакцией государства на те события, которые сегодня развиваются и будут развиваться в государстве, и проявлением социального регулирования общественных процессов средствами уголовно-правовой науки. Наряду с этим эффективность уголовно-правового регулирования предотвращения сепаратизма значительно повысилась бы при криминализации сепаратизма в УК РТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Matveeva A.* Divided we fall... or rise? Tajikistan–Kyrgyzstan border dilemma // Cambridge Journal of Eurasian Studies. 2017. № 1. DOI: 10.22261/94D4RC.

2. Reeves M. Materialising state space: 'Creeping Migration' and territorial integrity in southern Kyrgyzstan // *Europe-Asia Studies*. 2009. № 61 (7). P. 1284–1287.
3. Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации на постсоветском пространстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 62 с.
4. Волова Л.И. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве. Ростов н/Д : Изд-во Ростов.ун-та, 1981. 192 с.
5. Мошняга Л.В. Уголовная ответственность за преступления против конституционных основ национальной безопасности Украины : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2011. 20 с.
6. Явкин Н.В. Проблема обеспечения единства и территориальной целостности государства в условиях борьбы народов за самоопределение : дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2004. 220 с.
7. Hinsley F.H. *Suveranitate*. Chişinău : Ştiinţa, 1998. 200 p.
8. Сергун Е.П. «Сепаратизм» как возможный состав преступления в российском уголовном праве // *Правовая культура*. 2013. № 2 (15). С. 53–58.
9. Крылов А.Б. Сепаратизм в странах Востока. М. : Наука, 1992. 174 с.
10. Reflections on the legality of criminalization of separatist actions within the republic of Moldova. URL: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=678634> (дата обращения: 10.01.2020).
11. Рубашченко М.А. Проблеми використання поняття «сепаратизм» у сфері кримінального права // *Вісник Асоціації кримінального права України*. 2017. № 2 (9). С. 88–104. DOI: 10.21564/2311-9640.2017.9.165710

On the Criminalisation of Separatism in the Criminal Law of the Republic of Tajikistan

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 97–102. DOI: 10.17223/23088451/15/19

Nekruz A. Kudratov, Tajik State University of Commerce (Dushanbe, Republic of Tajikistan). E-mail: nek-kudratov@mail.ru

Keywords: states, territorial integrity, separatism, public justification; financing.

In order to protect the sovereignty and territorial integrity of the Republic of Tajikistan, it seems appropriate to strengthen the national legal framework by reassessing the efficiency of criminal norms in relation to the actions of separatists. Based on this, taking into account the doctrines of criminal law, the norms of the Shanghai Convention on the Fight Against Terrorism, Separatism and Extremism, the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Code of Ukraine, the Criminal Code of the Kyrgyz Republic, the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, and the transformation of the norms of Chapter 29 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan on issues of protecting the territorial integrity of Tajikistan from separatist activities, the author proposes to supplement criminal law with a new norm that criminalises (1) the violation of the territorial integrity of the state, including the separation of a part of its territory or the disintegration of the state by force; (2) the organisation and conduct of separatist referenda or propaganda or public calls for separatist actions (by any means), including the release, preservation and dissemination of separatist materials or the use of political slogans with separatist content; (3) the public justification of separatism; (4) the financing of separatist actions, the support of foreign states or organisations in carrying out separatist actions, etc. Thus, criminal liability for separatism will become an adequate state response to the events that are developing and will continue to develop in the state and a manifestation of social regulation of public processes by means of criminal law science. The efficiency of the criminal law regulation of separatism prevention would significantly increase with the criminalisation of separatism in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan.

References

1. Matveeva, A. (2017) Divided we fall . . . or rise? Tajikistan–Kyrgyzstan border dilemma. *Cambridge Journal of Eurasian Studies*. 1. DOI: 10.22261/94D4RC
2. Reeves, M. (2009) Materialising state space: 'Creeping Migration' and territorial integrity in southern Kyrgyzstan. *Europe-Asia Studies*. 61 (7). pp. 1284–1287.
3. Ostroukhov, N.V. (2010) *Territorial'naya tselostnost' gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave i ee obespechenie v Rossiyskoy Federatsii na postsovetском prostranstve* [The territorial integrity of states in modern international law and its ensuring in the Russian Federation in the post-Soviet space]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
4. Volova, L.I. (1981) *Printsip territorial'noy tselostnosti i neprikosnovennosti v sovremennom mezhdunarodnom prave* [The principle of territorial integrity and inviolability in modern international law]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
5. Moshnyaga, L.V. (2011) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv konstitutsionnykh osnov natsional'noy bezopasnosti Ukrainy* [Criminal liability for crimes against the constitutional foundations of national security of Ukraine]. Abstract of Law Cand. Diss. Kharkov.
6. Yavkin, N.V. (2004) *Problema obespecheniya edinstva i territorial'noy tselostnosti gosudarstva v usloviyakh bor'by narodov za samoopredelenie* [The problem of ensuring the unity and territorial integrity of the state in the conditions of the struggle of peoples for self-determination]. Political Science Cand. Diss. N. Novgorod.
7. Hinsley, F.H. (1998) *Suveranitate*, Chişinău: Ştiinţa.
8. Sergun, E.P. (2013) Separatism as a Potential Corpus Delicti in the Russian Criminal Law. *Pravovaya kul'tura*. 2 (15). pp. 53–58. (In Russian).
9. Krylov, A.B. (1992) *Separatizm v stranakh Vostoka* [Separatism in the countries of the East]. Moscow: Nauka.
10. Cara, E. (2018) Reflections on the legality of criminalization of separatist actions within the Republic of Moldova. *Studia Securitatis*. 1. pp. 105–113. [Elektronnyy resurs]: [Online] Available from: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=678634> (Accessed: 10.01.2020).
11. Rubashchenko, M.A. (2017) The Problems of Using the Concept of "Separatism" in the Criminal Law Sphere. *Visnik Asotsiatsii kriminal'nogo prava Ukraïni – Herald of the Association of Criminal Law of Ukraine*. 2(9). pp. 88–104. (In Ukrainian). DOI: 10.21564/2311-9640.2017.9.165710